

М.Н. Волконская

**Записки княгини Марии
Николаевны Волконской**

**Mémoires de la Princesse Marie
Volkonsky**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.Н. Волконская**
Записки княгини Марии Николаевны Волконской: Mémoires de la Princesse Marie Volkonsky / М.Н. Волконская – М.: Книга по Требованию, 2021. – 260 с.

ISBN 978-5-517-97083-1

ISBN 978-5-517-97083-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

struction reçue dans sa famille. Possédant le français et l'anglais comme sa propre langue, elle passait ses heures de solitude à lire, et le cercle de ses connaissances dépassait le niveau ordinaire. L'histoire et la littérature l'attiraient particulièrement; jamais je ne lui ai vu un livre frivole entre les mains. Douée d'une voix remarquable qu'elle avait eu le temps de bien développer en Russie, ayant étudié la musique à fond, elle put, ainsi qu'elle le raconte elle-même, exercer son talent d'abord pour elle toute seule, plus tard en famille. Tout cela qui lui venait de Dieu et de la maison paternelle lui aida dans les premiers temps à supporter la solitude, ensuite—«les privations et les souffrances» auxquelles, d'après ses propres paroles, les exilés s'étaient «si bien habitués, qu'ils avaient trouvé moyen d'être gais et même heureux en exil».

Ferme et persévérante dans ses résolutions, elle était en même temps d'un caractère doux et facile à vivre, toujours gaie, ne perdant jamais courage. L'amour du prochain dont débordait son cœur se répandait sur tout ce qui l'entourait, les exilés, les familles indigentes des paysans, surtout les enfants. Mais le centre de cet amour c'était ses propres enfants: en eux se résumaient ses rêves, ses désirs, ses craintes, ses aspirations. Et de fait, tout, à commencer par les modiques moyens assurant leur existence et jusqu'aux modestes connaissances avec lesquelles ils quittèrent la Sibérie, ses enfants le doivent à elle. Elle ne les perdait jamais de vue, dirigeait leurs leçons, suivait de loin les voyages de son fils, qu'elle sauva plus d'une fois par ses soins en temps de maladie et ne détourna jamais des dangers inévitables mais nécessaires dans l'existence d'un homme.

A son retour de Sibérie en 1855, la princesse s'établit à Moscou, où l'année suivante elle fut rejointe par son mari

всю жизнь осталась вѣрной началамъ вѣры и добродѣтели, въ ней почерпнутымъ. Она перенесла съ собой въ Сибирь полученное ею въ семьѣ образованіе. Зная французскій и англійскій языки, какъ свой родной, она проводила время уединенія за чтеніемъ, и кругъ ея знаній выходилъ за предѣлы обычнаго уровня. Историческія науки и литература ее всего болѣе привлекали; ни разу не видалъ я въ ея рукахъ, что называется, пустой книги. Одаренная замѣчательнымъ голосомъ, который она успѣла обработать еще въ Россіи, и изучившая прекрасно музыку, она имѣла возможность, какъ и сама рассказываетъ, примѣнять свой талантъ сначала въ одиночествѣ, а потомъ въ своемъ семейномъ кругу. Все это, Богомъ и отцовскимъ кровомъ ей данное, помогло ей переносить на первыхъ порахъ одиночество, а впоследствии «лишенія и страданія, съ которыми», по ея словамъ, сосланные «свыклись настолько, что сумѣли быть и веселы, и даже счастливы».

Твердая и настойчивая въ своихъ главныхъ рѣшеніяхъ, она, въ то же время, была характера мягкаго и уживчиваго, всегда веселая и никогда не падавшая духомъ. Ея любвособиліе широко разливалось на всѣхъ окружающихъ, особенно на ссыльныхъ, на крестьянскія нуждающіяся семьи и на дѣтей. Но центромъ этой любви были ея собственныя дѣти: къ нимъ сводились всѣ ея мечты, ея желанія, опасенія, стремленія. И дѣйствительно, всѣмъ, что они получили, начиная съ матеріальнаго обезпеченія и до тѣхъ, хотя и ограниченныхъ, знаній, съ которыми они вышли изъ Сибири, они обязаны ей. Она слѣдила за каждымъ ихъ шагомъ, за ихъ ученіемъ, за путешествіями сына, никогда не отклоняя его отъ опасностей, неизбѣжныхъ и въ то же время необходимыхъ

qui venait d'être gracié. A Moscou elle vécut entourée de considération par la société d'alors; mais, à partir de l'année 1857, de fréquentes maladies, ainsi que l'état de santé de son mari, les obligeant tous deux à l'emploi des eaux minérales, chaque année ils faisaient un voyage à l'étranger. Les hivers de 1859 et 1860 furent passés en famille, partie à Rome, partie à Paris. Retour de l'étranger, elle n'alla plus à Moscou, elle s'installa définitivement dans une campagne de la Petite Russie, Voronky, bien de son beau-fils N. Kotchoubey. En attendant sa santé s'ébranlait de plus en plus, ses forces déclinaient. Au milieu de l'été 1863, je fus subitement appelé de l'Esthonie, où je laissai mon père cloué au lit par la maladie. Les forces de ma mère, minées par tant d'épreuves, cédèrent devant un nouveau mal—maladie du foie; consumée par une fièvre constante, au bout de six semaines elle passa à meilleure vie d'une mort chrétienne dans les bras de son fils et de sa fille le 10 août 1863, à l'âge de 56 ans.

Elle repose à côté de son mari au village de Voronky sous l'église érigée sur leurs tombes. Sur la porte du caveau on lit: «Salut! Consolatrice Infatigable de ceux qui gémissent dans les fers et les cachots». (Acathiste à l'Intercession de la S-te Vierge, Ikos 10) ¹).

Je crois devoir dire quelques mots sur la façon dont la presse a parlé des épouses, exilées volontaires. Je m'arrêterai avant tout

¹ Le mot «Acathiste» (Ἀκαθίστος) signifie: prière dont le chant et la lecture doivent être faits et écoutés debout; le mot «Ikos»: maison ou recueil de cantiques. La composition de l'Acathiste à la Sainte-Vierge remonte à l'année 626. (Père Serge Weriguine. Pau, 1902).

въ жизни чловѣка, и неразъ спасла ему жизнь, ухаживая за нимъ во время болѣзней.

По возвращеніи изъ Сибири въ 1855 году — время, на которомъ останавливаются «Записки», — княгиня Марія Николаевна поселилась въ Москвѣ, куда въ слѣдующемъ году прибылъ и возвращенный изъ ссылки ся мужъ. Въ Москвѣ она пользовалась вниманіемъ и уваженіемъ тогдашняго общества, но съ 1857 года болѣзни ся и мужа заставляли ихъ уѣзжать ежегодно на минеральныя воды за границу. Зимы 1859 и 1860 гг. были проведены сю частью въ Римѣ, частью въ Парижѣ, вмѣстѣ съ семьею. Изъ-за границы она уже не возвращалась въ Москву, а проѣхала прямо въ малороссійскую деревню Воронки, имѣніе своего зятя, Н. А. Кочубея. Между тѣмъ, здоровье ея все болѣе и болѣе расшатывалось, силы уходили. Лѣтомъ 1863 года я былъ внезапно вызванъ къ ней изъ Эстляндіи, гдѣ отецъ лежалъ, прикованный болѣзнью къ своей кровати. Подточенные долгими испытаніями, ея силы не выдержали новыхъ страданій — болѣзни печени, и, изнуряемая постоянною лихорадкою, она черезъ шесть недѣль скончалась христіанскою смертію на рукахъ сына и дочери, 10 августа 1863 года, 56 лѣтъ отъ роду.

Она погребена рядомъ съ мужемъ, въ селеніи Воронкахъ Черниговской губерніи, подъ зданіемъ церкви, возведенной надъ ихъ прахомъ. Надъ сводомъ склепа вырѣзанъ текстъ: «Радуйся, неусыпающая попечительнице во узахъ и темницѣ сѣдящихъ». (Акаѳистъ Покрову, Икосъ 10).

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи печати къ добровольнымъ изгнанницамъ и,

au poème de Nékrassoff «Femmes Russes», vu sa très grande affinité avec les «Mémoires» de la princesse Wolkonsky.

Je connaissais Nékrassoff depuis de longues années. Ce qui nous rapprocha c'était mon goût pour la poésie et de fréquentes chasses d'hiver pendant lesquelles nous causions longuement. Dans nos entretiens toutefois j'évitais de toucher à la question des exilés de Sibérie, craignant les indiscretions et jugeant toute publication prématurée. Un jour m'ayant rencontré au théâtre, Nékrassoff me dit qu'il venait d'écrire un poème sur la princesse E. Troubetskoy, me pria de le lire et de lui faire part de mes remarques. Je lui répondis que j'étais en rapport d'étroite amitié avec les membres de la famille Troubetskoy et que, si plus tard, il se trouvait dans le poème des passages désagréables à la famille, les Troubetskoy, sachant que cette œuvre m'avait été préalablement communiquée, pourraient avec raison m'en vouloir; que par conséquent j'étais tout disposé à lui faire part de mes observations, mais dans le seul cas où elles seraient acceptées par l'auteur. J'eus son consentement et le lendemain je fus en possession des épreuves du poème. Je le lus de suite et le portai à l'auteur avec mes annotations; elles avaient trait surtout au caractère des personnages. Dans certains endroits, en soignant la beauté de l'expression et du vers le poète altéra le caractère de cette noble femme, humble et douce, et je le signalai à son attention. Il accepta un grand nombre de mes observations, mais en rejeta d'autres; ainsi il ne voulut jamais sacrifier un quatrain dans lequel la princesse profère des invectives contre la haute société de Pétersbourg à laquelle appartenaient ses parents et ses plus proches amis et vers laquelle, en réalité, du fond de son loin-

прежде всего, остановиться на поэмѣ Некрасова: «Русскія женщины», въ виду чрезвычайной близости ея къ «Запискамъ» княгини Волконской.

Съ Некрасовымъ я былъ знакомъ долгіе годы. Насъ сблизила любовь моя къ поэзіи и частыя зимнія охоты, во время которыхъ мы много бесѣдовали, причемъ я, однакоже, обходить разговоры о сосланныхъ въ Сибирь, не желая, чтобъ они проскользнули несвоевременно въ печать. Однажды, встрѣтивъ меня въ театрѣ, Некрасовъ сказалъ мнѣ, что написалъ поэму: «Княгиня Е. И. Трубецкая», и просилъ меня ее прочесть и сдѣлать свои замѣчанія. Я ему отвѣтилъ, что нахожусь въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ семейю Трубецкихъ и что, если впослѣдствіи найдутся въ поэмѣ мѣста, для семьи непріятныя, то, зная, что поэма была предварительно сообщена мнѣ, Трубецкіе могутъ меня, весьма основательно, подвергнуть укору; поэтому я готовъ сообщить свои замѣчанія въ томъ лишь случаѣ, если авторъ ихъ приметъ. Получивъ на это утвердительный отвѣтъ Николая Александровича, а на другой день и самую поэму въ корректурномъ еще видѣ, я тотчасъ ее прочелъ и свезъ автору съ своими замѣтками, касавшимися преимущественно, характеровъ описываемыхъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для красоты мысли и стиха, онъ измѣнилъ характеръ этой высокобродѣтельной и кроткой сердцемъ женщины, на что я и обратилъ его вниманіе. Многія замѣчанія онъ принялъ, но отъ нѣкоторыхъ отказался и, между прочимъ, отказался выпустить четырехстишіе, въ которомъ княгиня бросаетъ кускомъ грязи въ только-что покинутое ею высшее петербургское общество, къ которому принадлежали ея родные и близкіе друзья, и къ которому она, въ дѣйствительности, стре-

tain exil et jusqu'à la fin de ses jours tendaient son cœur et son âme.

Le poème eut un succès retentissant, et Nékrassoff en conçut un autre. Un jour il arriva chez moi, m'annonça qu'il était en train d'écrire sur ma mère et me pria de lui donner ses «Mémoires» l'existence desquels lui était connue; je lui refusai net, n'ayant jusque-là montré ces «Mémoires» à personne, pas même aux plus proches. «Alors», dit-il, «faites-m'en lecture». Je refusai encore. Il parla longuement pour me persuader, me dit qu'il était moins bien documenté sur la princesse Wolkonsky que sur la princesse Troubetskoy, que son image risquait d'être altérée, ainsi que les faits mêmes, qu'après tout je serais le premier à en souffrir tandis que la réfutation me serait difficile. Il me promettait en même temps de tenir compte de toutes mes observations et de ne pas mettre sous presse avant que je n'eusse approuvé tous les détails du poème. Je lui demandai quelques jours de réflexion, je relus encore une fois le manuscrit de ma mère et enfin je consentis, bien que l'idée me fut excessivement désagréable de l'apparition de ce poème d'un caractère si intime et basé sur un récit qu'à cette époque j'étais bien loin de vouloir livrer à la publicité.

Nékrassoff ne savait pas le français, du moins pas assez pour suivre une lecture, et je dus traduire tout en lisant; lui, prenait de temps en temps des notes au crayon dans un cahier qu'il avait apporté. En trois séances la lecture fut achevée. Je me rappelle comme à plusieurs reprises, durant la même soirée, il bondissait en s'écriant: «Assez, je n'en peux plus», courait vers la cheminée, s'asseyait devant le feu et, prenant la tête dans ses mains, se mettait à sangloter

милась душою изъ далекой ссылки до конца своихъ дней....

Поэма имѣла громадный успѣхъ, и Некрасовъ задумалъ другую. Разъ онъ, пріѣхавъ ко мнѣ, сказалъ, что пишетъ о моей матери, и просилъ меня дать ему ея «Записки», о существованіи которыхъ ему было извѣстно; отъ этого я отказался наотрѣзъ, такъ какъ не сообщалъ до тѣхъ поръ этихъ «Записокъ» никому, даже людямъ, мнѣ наиболѣе близкимъ. «Ну, такъ прочтите мнѣ ихъ», сказалъ онъ мнѣ. Я отказался и отъ этого. Тогда онъ сталъ меня убѣждать, говоря, что данныхъ о княгинѣ Волконской у него гораздо меньше, чѣмъ было о княгинѣ Трубецкой, что образъ ея выйдетъ искаженнымъ, невѣрными явятся и факты, и что мнѣ первому это будетъ непріятно и тяжело, а опроверженіе будетъ для меня затруднительно. При этомъ онъ давалъ мнѣ слово принять всѣ мои замѣчанія и не выпускать поэмы безъ моего согласія на всѣ ея подробности. Я просилъ дать мнѣ нѣсколько дней на размышленіе, еще разъ перечелъ «Записки» моей матери и, въ концѣ концовъ, согласился, несмотря на то, что мнѣ была крайне непріятна мысль о появленіи поэмы весьма интимнаго характера и основанной на рассказѣ, который въ то время я не предполагалъ предавать печати.

Некрасовъ по-французски не зналъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы понимать текстъ при чтеніи, и я долженъ былъ читать, переводя по-русски, при чемъ онъ дѣлалъ замѣтки карандашомъ въ принесенной имъ тетради. Въ три вечера чтеніе было закончено. Впрочемъ, какъ при этомъ Николай Алексѣевичъ по нѣсколькимъ разъ въ вечеръ вскакивалъ и съ словами: «Довольно, не могу», бѣжалъ къ камину, садился къ нему и,

comme un enfant. C'est là que je vis combien notre poète vivait de nerfs, et quelle place ceux-ci devaient tenir dans sa production.

Quand le poème fut fini, il accepta mes remarques, me demanda seulement la permission de maintenir la scène de la première entrevue entre la princesse et son mari: il la place dans le puits de mine, tandis que d'après les «Mémoires» elle eut lieu à la prison. «Qu'est-ce que cela vous fait? n'est-il pas indifférent avec qui la princesse s'y est rencontrée—son mari ou son oncle Davidoff; tous deux travaillaient sous terre, et cette rencontre m'a réussie si belle?» Je cédaï, mais en quittant Pétersbourg je le priaï de m'envoyer encore les dernières épreuves. Le poète ne le fit pas, et je reçus, accompagné d'une lettre pleine d'excuses, le poème tout imprimé. («Otétchestvenniya Zapiski» — Journal de la Patrie, janvier 1873). C'est ce qui explique comment quelques expressions ne répondant pas au caractère de l'héroïne ont pu se glisser dans le poème.

J'ai cru devoir m'étendre sur ce point pour expliquer la similitude entre le poème de Nékrassoff et les «Mémoires».

Je ne puis laisser ici sans réplique la critique que fait du poème de Nékrassoff le V^e Melchior de Vogüé. Dans son livre «Regards historiques et littéraires» (3^e éd., pp. 282 et 283) il dit sur le poème «Femmes Russes» ce qui suit:

«Le sujet est celui qu'a traité Alfred de Vigny dans un «de ses poèmes posthumes, *Vanda*; c'est la glorification des «exilées volontaires qui suivirent leurs maris déportés en «Sibérie, après la tentative révolutionnaire de 1825. Mais, «quand Nékrassoff peint avec amour les deux martyres, quand